

I.

КЪ ЖУКОВСКОМУ *.

Благослови поэшь! въ пиши Парнасской стѣни
Я съ пррешомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною шрпрой съ надеждой полешлъ,
Мнѣ жребій вынулъ фебъ — и лира мой удѣлъ.
Спрашусь неопышнѣй безславнаго паренья,
Но пылкаго миршп не въ силахъ я влеченья;
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я.

* Предлагаемыя публикѣ два стихотворенія А. С. Пушкина, принадлежать къ его Лицейскимъ опытамъ; они, вмѣстѣ съ прочими твореніями, собранными послѣ его смерти, приготовлены уже къ изданію и составятъ нѣсколько томовъ. Само собою разумется, что эти опыты не выражаютъ поэтической физиогноміи Пушкина, съ какою онъ является теперь передъ нами и какую сохранить навсегда въ исторіи нашей литературы. Но для сей послѣдней неопъненны первые творческіе порывы такого таланта, каковъ Пушкина. Сравнивая съ ними его послѣдующія созданія, мы видимъ, какія принесъ онъ жертвы жизни и искусству, что уцѣлело въ немъ, какъ основное начало его природы и что исчезло вмѣстѣ съ мечтами и вѣрованіями юности. Въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина видны уже признаки того направленія, которое послѣ сдѣлалось господствующимъ въ его поэзи и образовало у насъ новую, особенную школу: это самобытный, хотя и не глубокій взглядъ на природу и жизнь, творчество, почерпающее стихи для своихъ идеаловъ изъ самой дѣйствительности, а не изъ произвольныхъ о ней понятій, шествующее къ своей цѣли путемъ аналитическимъ, а не синтетическимъ. Ни въ одномъ изъ Лицейскихъ его стихотвореній, которыхъ большая часть намъ извѣстна, вы не найдете стремленія перелетѣть черезъ суще-

Сокрыпаго въ вѣнахъ священный судія *
 Спражъ вѣрной прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ мужъ, любимый
 И блѣдной зависти предметъ неколебимый
 Привѣшливымъ меня вниманіемъ ободрилъ;
 И Дмишревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И славный спарецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный, **
 Крылашымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣщъ любви священный?
 Могу ль забыть я часъ, когда передъ шобой
 Безмолвный я споялъ, и молнійной спруей
 Душа къ возвышенной душѣ швоей лешъла
 И шайно съединясь, въ восшоргахъ пламенѣла?
 Нѣшъ, нѣшъ! рѣшился я безъ спраха въ шрудной пушь;
 Ошважной вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безмершныя, шпомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажеше въ шуманахъ ошдаленья;
 Лечу къ безвѣшному ошважною мечшой,
 И мнишся, Геній вашъ промчался надо мной!

ствующій порядокъ вещей въ безвѣстную, безконечную даль и строить тамъ свой порядокъ вещей; основныя идеи поэтъ почерпаетъ вездѣ изъ окружающихъ его явленій; онъ мѣткимъ взглядомъ извлекаетъ изъ нихъ поэтическія элементы и изъ этихъ свѣжихъ, существенныхъ даровъ жизни, строить свои поэтическія зданія, столь же существенныя и истинныя. Это направленіе мы считаемъ величайшею услугою, какую оказалъ Пушкинъ нашей литературѣ и образованности; оно-то и сдѣлало его народнымъ поэтомъ, потому что нашъ народный геній менѣе всего наклоненъ къ *априорическому*, а напротивъ, полный жизни и самой здоровой логики, онъ любитъ жизнь, истину, простоту, любитъ подвизаться въ области вещей, а не призраковъ. Съ этой точки зрѣнія надобно смотреть на первые опыты Пушкина, какъ и на произведенія его зрѣлыхъ силъ. Мы общаемъ представить читателямъ С. О. разборъ его произведеній именно съ этой точки зрѣнія, которая, кажется, у насъ до сихъ поръ была оставлена безъ вниманія, не смотря на то, что она едва ли не есть самая вѣрная, хотя и не самая міровая. Р. С. О.

* Карамзинъ.

** Державинъ.

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою,
 Какое зрѣлище открылось предо мной?
 Въ ужасной пещерѣ пещерной глубины
 Вражды и зависши утрюмые сыны,
 Возвышенныхъ шворцовъ зоиы записные,
 Сидящъ безмыслицы дружины боевыя,
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскія спихи, визжащъ Варяговъ спрой;
 Смѣхъ общій имъ опѣвшъ надъ мрачными шолцами.
 Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
 Одинъ на груди съль и прозы и спиховъ,
 Тяжелые плоды полуночныхъ шрудовъ,
 Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
 Съ улыбкой внемлешъ вой спопосложилель хилый;
 Предъ нимъ расперзанный спенаешъ Тилимахъ,
 Желѣзное перо скрипиль въ его персняхъ
 И шпанешъ за собой Гекзамепры сухе, —
 Спондеи жесткіе и Дакшили шугіе.
 Решивой музою прославленный пѣвецъ!
 Гордись, шы Мевія надушый образецъ.
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
 Споишъ среди полшы друзей непросвѣщенья?
 Торжешвенной хвалы къ нему несешся шумъ,
 А онъ — онъ риѣмому поцралъ и вкусъ и умъ.
 Ты ль эшо, слабое дилпя чужихъ уроковъ,
 Зависпливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредешвеннымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
 И съ пинда сброшеный и прокляшый Росиномъ?
 Ему ли карлику шягашся съ исполиномъ?
 Ему ль оспоривать шомъ лавровый вѣнецъ,
 Въ кошоромъ возблиспалъ бесмершный нашъ пѣвецъ,
 Веселье Россіянъ, полунощное диво? *
 Нѣшъ! въ шихой Лешъ онъ пошонешъ молчаливо!

* Ломоносовъ.

Ужь на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ, что могъ онъ передать?
 Спрашилась Грація цинической свирѣли
 И персты грубые на лирѣ коснешли.
 Пусть будешь Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
 Явился Дездемо — исчезнешъ Шапеленъ.
 И чтожь? Всегда смѣшнымъ останешся смѣшное
 Невѣжду пѣснуетъ невѣжесиво слѣпое;
 Оно сокрыло ихъ во мрачной свой приюпъ.
 Тамъ прозу и стихи опважно всѣ куюпъ,
 Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишъ не нѣмы:
 Тѣ слогомъ Никона печатаюпъ поэмы,
 Одни Славянскихъ одъ громады громоздять,
 Другіе въ бѣшенныхъ прагедіяхъ хрипяпъ;
 Тотъ вѣрный своему мяшежному союзу;
 На сцѣну возведя зѣвающую музу,
 Безмерпныхъ геніевъ сорвалъ съ Парнасса мнипъ;
 Рука содрогнулась, ударъ его скользипъ;
 Вопще бросается съ зависплымъ кинжаломъ:
 Кушетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ;
 При свиспахъ крипики къ собрапьямъ онъ бѣжипъ,
 И маковый вѣнецъ Теспису ими свипъ.
 Всѣ руку положивъ на томъ Тилимахида,
 Кланушся опомспипъ сотрудииковъ обиды,
 Волнуясь, воспаюпъ нещеповой полпой.
 Бѣда, кто въ свѣспъ рожденъ съ чувствивпельной душой,
 Кто пайно могъ пльнипъ красавицъ нѣжной лирой,
 Кто смѣло просвисналъ шушливою саширой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И Русской глупоспи не хочепъ бипъ челома:
 Онъ врагъ опечеспва, онъ сѣяшель развраша
 И рѣчи сыплюшся дождемъ на супоспаша. —

И вы возстанъше же, Парнассіе жрецы,
 Природой и прудомъ воспитаны пѣвцы

Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
 Разише дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
 Ошмспинель гения, другъ испины — поэшь!
 Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣшь,
 Спрѣлюю гибели, десница Аполлона
 Сражаешъ наконецъ ужаснаго Пиеона;
 Смоприше, пораженъ враждебными спрѣлами,
 Съ пошухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
 Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месць!
 Вамъ оскорбленный вкусъ вамъ знанья дали всѣшь.
 Лепише на враговъ, и фебъ и музы съ вами!
 Разише варваровъ кровавыми спихами:
 Невѣжешво, смирясь, пошупишь хладный взоръ,
 Спѣсивыхъ рипшоровъ безграмошный соборъ....
 Но вижу возвѣщашъ намъ испины опасно:
 Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно
 И смершный приговоръ шаланшамъ возгремѣлъ.
 Гоненія шерпѣшь ужель и мой удѣлъ?
 Чшо нужды? смѣло въ даль дорогою прямою:
 Ученою руку даъ, поддержанный побую,
 Ихъ злобы не спрашусь; мнѣ швердый Карамзинъ,
 Мнѣ ши примѣръ, — чшо крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
 Пускай бесѣдують ошверженные Феба.
 Имъ прозы, ни спиховъ не посланъ даръ отъ неба.
 Ихъ слава имъ же спыдъ, шворенья смѣхъ уму
 И въ шмѣ возникшіе, низвергнушея во шму.

А. ПУШКИНЪ.

=